

КРИСТИНА ВЫБОРНОВА

ГДЕ ВОЛНЫ ЛИЖУТ  
КАМНИ МЕРТВЫХ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

Кристина Выборнова

**Где волны лижут камни мертвых**

«Автор»

2026

## **Выборнова К.**

Где волны лижут камни мертвых / К. Выборнова — «Автор»,  
2026

Следователь Колин Розанов едет отдыхать в Турцию, поддавшись на уговоры коллег, которые хотят, чтобы он пришел в себя после развода. Но когда он в компании случайных знакомых находит в древних руинах зашифрованное послание римского легионера, отдых превращается в настоящее расследование. Двадцать шагов к морю, тень колонны, каменный лев - и где-то тебя ждет клад, пролежавший в земле две тысячи лет. Однако в погоне за древними монетами и золотыми амулетами герои забывают: некоторые вещи лучше не откапывать.

© Выборнова К., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1                           | 5  |
| Глава 2                           | 11 |
| Глава 3                           | 16 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 23 |

# Кристина Выборнова

## Где волны лижут камни мертвых

### Глава 1

Самолет неловко плюхнулся тяжелым задом об полосу, дал небольшого козла и, наконец, покатился. Пассажиры в салоне, видимо, считая, что выжили только чудом, разразились бурными аплодисментами; кто-то из самых нетерпеливых почти сразу вскочил, чтобы извлечь из багажных полок свои сумки. Позади какая-то баба выкрикивала (видимо, в телефон) «Мамуля, мы сели! Все в порядке!», остаточно орали намучившиеся за полет младенцы. Сквозь это все еле-еле пробивался голос стюардессы, который сообщал, что мы прибыли в Анталию, а на улице тридцать градусов жары. Я сидел неподвижно, пялясь пустым взглядом в спинку переднего кресла, и медленно набирал в легкие воздух, жаркий и спертый, будто им до меня много раз уже дышали.

Отдых формата «все включено» я обычно видал в гробу в белых тапочках, как и большинство моих собратьев-ментов. Когда я был еще женат, Катя как-то уговорила меня слетать в такой вот тур, а потом долго припоминала, что я «все время читал свои дурацкие книжки и не был ни на одной экскурсии» Да. А чего я сейчас-то здесь забыл?

Сидящий у окна сосед подпихнул меня в бок. Я медленно поднялся, морщась от боли в затекших ногах — при моем росточке под два метра сидеть на стандартных тесно поставленных сиденьях было дико неудобно — и втиснулся в общую очередь, которая стояла в проходе, жарко дыша друг другу в затылки. Из самолета, понятно, еще никого не выпускали, и я снова погрузился в свои невеселые мысли, уперев глаза в макушку стоявшей передо мной женщины.

А забыл я здесь сам не знаю что. Фактически на отдых меня выпихнула начальница при активном науськивании нашего патологоанатома Синдереллы Ивановны по прозвищу Золушка. Та, еще когда я восемнадцатилетним раздолбаем пришел в отдел особо тяжких, взяла меня под свое пропахшее формалином крылышко и считала с тем пор кем-то вроде второго сына.

- Дорогой мой, нельзя так себя изводить, - гудела Золушка басом, похлопывая меня по локтю (выше она не доставала из-за мелкого роста). — У тебя после развода самая настоящая депрессия. Почему ты не пьешь таблетки, которые тебе моя подруга выписала?

- Да потому что у меня от них руки трясутся и реакция замедленная. Лучше уж я буду с депрессией, но попаду в преступника, чем без депрессии промажу.

- С депрессией ты не в преступника попадешь, а скоро, прости меня, в могилу! Ты ведь толком и не ешь ничего. Давай-ка, дорогой мой, я поговорю с Верой Николаевной

Вот и результат этого «разговора с Верой Николаевной»: душный самолет и на фиг мне не нужный пляжный отдых. Отказываться было неудобно, потому что большую часть оплатила моя же работа, да и глядя на старания Синдереллы Ивановны, Женьки, Андрея и других коллег, которые искренне пытались мне помочь, не хотелось вести себя по образцу капризных барышень, которые закатывают истерику, когда им дарят не последний, а предпоследний айфон. В конце концов, не все ли равно, где еле таскаться и не хотеть жить — в России или в Турции?

Наконец-то очередь задвигалась. Исполнив вместе с другими пассажирами танец маленьких утят, то есть проползя за ними гуськом через весь длиннющий «Боинг», я очутился на трапе.

- До свидания, хорошего вам отдыха! — формально попрощалась со мной стоявшая у выхода стюардесса. Она была взмокшей, шапочка ее перекосилась, а красные глаза смотрели куда-то мимо меня — наверное, не первый рейс был у нее сегодня. Товарищ по несчастью...

- Спасибо, - пробормотал я так же формально и, отвернувшись от нее, вышагнул-таки на трап.

Меня обхватили жара и неожиданно яркий голубой свет. Сощурившись почти до китайского состояния, я кое-как разглядел вокруг жаркий аэропорт, соседние самолеты, горы вдаль и подъезжающий к нам автобус. Контраст с хмарью, которая сейчас царила в Москве, был таким разительным, что мне невольно стало повеселее. Может быть, действительно, не зря коллеги запихнули меня в эту поездку? Должна же когда-то закончиться полоса неудач и настать та самая «новая жизнь после развода», о которой я так много читал в интернете?

Взбодренный приятными надеждами, я зашел в аэропорт, где примерно минут через сорок выяснилось, что эти остолопы потеряли мой багаж. Ничего себе неделька начинается, как говорил тип, которого решили повесить в понедельник. Самое тупое, что багажа-то я с собой обычно не брал — обходился одним рюкзаком или сумкой. А тут поддался на уговоры своей двойняшки — Оксанки. Сестра активно совала мне маленький жесткий чемодан в радостную ромашку и настаивала:

- Братец, бери! Хоть раз все разложишь по-человечески, вещей побольше возьмешь, а то вечно ходишь как бомж!

- Ксан, да куда мне столько места? Чем я его заполню?

- Найдешь чем! А если не найдешь, купишь мне в Турции шубу и привезешь! И это самый маленький чемодан, меньше уже не бывает! Хватит кобениться!

Вот так, уступив, кроме заботы коллег, еще и бурной заботе родной сестрицы, я наскреб проблем на свой хребет.

- Мы приносим наш извинений - бурчал на полурусском очкастый юноша-турок в отделе утерянного багажа. — Возможно, ваша сумк слишком small, поэтому неверно sorted

- Да фак ю оф ты со своими объяснениями! - отвечал я ему на полуанглийском. - Если бы знал, какой у вас бедлам, я бы свой сумк из май хэндс вообще не выпускал.

- Не ругаться, а то я вызову жандарма! — пригрозил юноша и даже привстал из-за стола.

- Ну вызови, - сказал я кисло, прислоняясь плечом к прохладной стенке. — Хоть познакомлюсь с местными коллегами. Может, быстрее работать начнете.

Юноша, видимо, понял, что я не из пугливых, и решил от меня побыстрее избавиться.

- Составьте заявлений, оставьте контактс, - снова перешел он на бормотание, опускаясь обратно за стол. — Как только если сумк найдется, мы вас call.

- Окей, чтоб вам лопнуть, - отозвался я. На том и порешили.

Пока я ковырялся в отделе утерянного багажа, автобус, развозящий людей по отелям, успел смыться. Об этом сообщила тщедушная девушка-представитель туроператора, со страхом поглядывая на мою, видимо, злущую физиономию. Договорив, она аж зажмурилась, но я никогда не увлекался избиением младенцев, поэтому просто спросил ее, где здесь взять такси. Она с радостью указала мне направление — куда-то направо от аэропорта. Я прошагал метров триста, плаваясь на жаре в своих неадекватно-толстых для здешнего климата джинсах и пуловере, и меня принял в объятия первый же таксист — молчаливый лысый турок с головой, похожей на кеглю. Периодически тяжело вздыхая, под унылое завывание турецких песен по радио, он повез меня непонятно куда.

Я, вздыхая не менее тяжело, притулился на заднем сиденье и разглядывал в затемненное стекло проплывающие мимо торговые центры, белые дома с турецкими флагами, рекламные плакаты с таинственными надписями типа Ebebek, пальмы, кипарисы и прочую южную растительность. Снова наваливалось привычное оцепенение, до того немного разогнанное приклю-

чениями с багажом. В конце концов, я вполне могу обойтись без всей одежды, которая там напихана, чай не модель на подиуме, – да и вообще, кому я сдался.

Ехали мы с турком что-то около часа, и наконец, пропрыгав по каким-то колмышкам, повернули в небольшой поселок под названием Чамьюва. Поселочек был средней паршивости: какие-то мелкие отельчики, хиленький крытый рынок, где половина палаток не работала, сонные кошки, лежащие на тротуарах. От этого я и сам начал было зевать, но сон с меня согнал таксист, остановившись и затребовав за поездку несусветную сумму.

- Ну конечно, щас, – сказал я и отсчитал ему половину. — Я чего, так похож на идиота? Я в курсе ваших цен.

Таксист обиженно заморгал выпуклыми серыми глазами с головы-кегли и что-то залопотал по-турецки, тыкая в счетчик.

- Он у тебя не работает, – вздохнул я. — Давай, разблокируй двери, а то я тебе сейчас окошко высажу.

Таксист замахал руками и издал возмущенный возглас, видимо, призывающий к моей совести. Я вздохнул, прибавил ему еще пару купюр и сказал:

- Больше не дам.

Уж не знаю, понял меня человек-кегля или нет, но по крайней мере двери разблокировал и, как только я вылез, сразу уехал, тронувшись с места с обиженным взвизгом. Я равнодушно махнул ему вслед и потащился в нужный мне отель.

Вход на территорию был обозначен фигурами чем-то довольных бетонных львов, которые сидели, как собаки, подняв переднюю лапу. Внутри было довольно симпатично: светило солнышко, шелестели темно-зеленые деревья, усыпанные желтой мушмулой, зевала лежавшая на мраморных ступеньках крыльца трехцветная кошка. Все было бы прекрасно и идиллично, если бы из открытых дверей самого отеля не доносились громкие и злобные голоса. Тут мне стало уже даже интересно, чего еще неприятного может со мной сегодня произойти, и я почти бодро взбежал по лестенке в отель.

Там, облокотившись на длинную стойку рецепции, стояло несколько разъяренных человек и ругалось по-русски с пожилым крепким турком, который был, как обмороженный, одет в свитер и легкий пуховик.

- Номеров пока нет, – спокойно говорил он, постукивая пальцами по стойке. — Я вам сказал, уважаемые: можно ехать другой отель.

- Этот отель — на горе, от моря километр! Я с внуком приехала маленьким — почему мы должны в такую даль ходить?! — энергично интересовалась весьма подтянутая и моложавая женщина с короткой рыжей стрижкой. Рядом с ней, вцепившись худыми лапками в край стойки, стоял бледнющий очкастый пацан лет восьми — вид у него и вправду был такой, будто проход лишнего километра может вогнать его в гроб.

- Да, мы не за это платили! — добавляла стоявшая рядом девушка с пугающе накачанными губищами, которые побеждали все остальные черты лица, затянутая в топик и модные джинсы с дырками. Худобой она спорила с «внуком» - между ее бедер мог проехать поезд, а из драных джинсов торчали острующие коленки — но активничать ей это не мешало. Последним в этой странной компании состоял дородный краснолицый мужик с выпирающим пузом и седой бородкой. Он постоянно покашливал, похмыкивал и отдувался, но толком не говорил ничего, кроме «да-да» и «вот-вот».

Спор все длился и длился — я понял, что гоп-компанию отказываются заселять в отель, потому что там якобы нет места, и хотят заслат в какие-то выселки на холме. Обмороженный турок, игнорируя начавшиеся по десятому кругу возражения и глядя поверх голов людей, кивнул мне. Я молча сунул ему свой ваучер. Он тоже молча повертел его в руках, вздохнул и затянул ту же волюнку:

- У нас мест пока нет, вы переночевать в хороший отель, а потом вернуться сюда



- Не соглашайтесь! — предостерегла меня рыжая бабушка внука, не успел я открыть рот. — Это ужасный отель, мы читали отзывы!

- Да, - губастая девушка постучала длиннющим ногтем по экрану своего телефона. — Тут хотя бы четыре звезды, а там всего две!

- Мы сейчас позвоним нашему представителю туроператора! Это просто безобразие какое-то!

- Вот-вот, - вставил седой мужик и откашлялся.

- Звоните, - турок равнодушно пожал плечами. — Я же говорю, мест сейчас нет.

- Да что же это такое, - губастая поникла тощими плечами. Бледный внук, как макаронина, сполз по стойке рецепции на пол. Бабушка бросилась его поднимать и в раже оторвала от пола чуть ли не на метр. Тут я заметил, что и у нее, несмотря на энергичность, бледное лицо и синяки под глазами. Наверняка летели издалека.

Наконец я ощутил внутри что-то, кроме равнодушия — а именно, злость и раздражение. Нет, так дело не пойдет. Надо взбодрить здешнюю администрацию — заодно, может, и сам развеюсь, а то давно что-то не брал в руки шашек

Я набрал полную грудь воздуха, дернулся вперед и, нависнув над турком, заорал так, что отозвался вибрацией колокольчик для вызова персонала:

- Вы чего тут развели?! Деньги вымогаете?! Вашему отелю давно санитарной проверки не устраивали?! А может, вы жандармерию давно не видели? Нет?! Вы только скажите, я вам тут устрою караван-сарай! Еще месяц икать будете!

- Не кричать - начал турок.

- Где ваш управляющий?! — заорал на него я еще в три раза громче и сделал широкий взмах рукой, чтобы свистнул воздух возле его уха. — Давай мне его сюда! А не дашь, я сам его найду! Тогда вам всем будет полный - я вспомнил надпись на дорожном плакате и смачно закончил: - Полный Ebebek!

Бледный внук тихонько прыснул, забрызгав себе очки слюнями. Его бабушка и остальные страдалцы смотрели на меня молитвенно-восхищенными взорами. Что касается турка, то он, как я и думал, оказался достаточно умным, чтобы распознать во мне человека, который может принести реальные проблемы: его равнодушное лицо вмиг сделалось подобострастным, он прижал руку к груди, попросил «Подождать минуту, я узнаю, что можно сделать» - и удрал куда-то в подсобку.

- Ой, - сказал внук, задирая на меня голову. — Как же вы громко орете!

- Я еще громче могу, - заверил я его.

- Потапчик, не приставай к дяде Но спасибо вам, зато они хоть зашевелились, - сказала моложавая бабушка. — Мы-то с ним тут час спорили, а он ни в какую.

- Вот-вот, - согласился седой пузан и почесал бороду.

Турок вернулся минуты через три — по-моему, просто посидел для вида в своей подсобке. За это время он лишился пуховика и гонора, так что теперь молча и деловито выдал мне и остальным страдалцам ключи от номеров. Единственное, на что его хватило — так это обиженно предупредить, что там может быть не очень убрано, потому что мы «заставили дать комнаты раньше». Мы это проигнорировали со снисходительностью истинных победителей и замаршировали по узкой и скользкой от воды, которая сочилась из садовых поливалок, дорожке к отвоеванному жилью.

Возглавляла шествие бабушка с внуком, следом шла губастая, за ней шлепал мужик. Время от времени все они, рискуя навернуться, оглядывались на меня и выражали глубокие благодарности. Потом начали знакомиться, и мне пришлось из вежливости им представиться. Узнав, что меня зовут Колин Розанов, они задали обычный вопрос, не иностранец ли я. Я дал обычный ответ, что, хотя у меня в предках были арабы, армяне и чуть ли не цыгане, но по паспорту я русский, просто родители так несмешно пошутили. Они начали представляться в



ответ. Я рассеянно кивал, невольно запоминая совершенно не нужные мне их имена и подробности биографий. Бабушку, например, звали Татьяна («можно без отчества, не такая уж я старушка»), и прилетела она с внуком Потапом аж из Перми. Губастая назвалась Анжелой: у нее был мягкий южный выговор, что она и подтвердила сообщением, что прибыла из Ростова-на-Дону. Седой мужик сказал, что он Николай Петрович из Подмоскovie и прилетел всего на недельку «поправить здоровье». Кстати о поправке здоровья он сразу же предложил выпить за знакомство.

- Спасибо, я не пью, - отказался я кратко.

- И очень правильно! — в который раз повернулась ко мне Татьяна. — Да и вам, Николай, не надо бы при такой жаре. Ну вот какое у вас давление?

- Да я как-то вот не знаю

- А я вам сейчас померяю! Идемте к нам, у меня есть тонометр!

Схватил оторопевшего Николая своей крепкой рукой, а другой таща внука, Татьяна бодро побежала по крутой внешней лестнице на третий этаж, где был ее номер. Анжела подняла голову и улыбнулась мне. Я ответил неловким кивком, пытаюсь смотреть хоть на что-нибудь, кроме ее губ, но больше у нее ничего существенного не было: топик безжалостно открывал грудные кости и ключицы. Подкормить бы

- Тут обед когда, не знаете? — спросил я по этой мысленной ассоциации.

- Сейчас как раз начнется. А вы

- Спасибо за информацию, - прервал я ее и, бодро кивнув, ушел искать свой номер. Честное слово, хватит с меня сегодня странного общения и идиотских ситуаций.

Номер был, конечно же, крошечным, даром что имел большущую двуспальную кровать. Изголовье этого царского ложа почти упиралось в дверь в туалет, а в ногах был выход на балкон. Присутствовали также старый нерабочий холодильник, телик, который показывал одни помехи, одежный шкаф, куда мне нечего было класть, кондиционер и стол с большим зеркалом над ним. Зеркало отразило мою напряженно-усталую длинноносую физиономию, свалывшиеся в дороге волосы и неадекватный здешней жаре костюм. Надо сходить, что ли, купить чего-то более легкое. Или пообедать Ой, да ну это все в задницу, обойдусь.

Решительно плюхнувшись на кровать, я открыл наплечную сумку, которую всегда таскал с собой, и достал из нее нелюбимый бывшей женой предмет: книжку. На сей раз это был, в соответствии с местом, русско-турецкий словарь.

Моя манера читать для развлечения словари почему-то очень бесила Катю. Она то пыталась устроить мне допрос, чтобы выяснить, что я выучил за время чтения, то просто возмущалась, что я занимаюсь какой-то бессмыслицей, нет бы почитать художественную литературу или что-нибудь полезное для работы.

- Ты же знаешь, - говорил я ей, - при нашей работе никогда не угадаешь, что именно окажется полезным. — Да и потом, художку я тоже читаю.

- Вот именно! — раздраженно говорила она. — Ты читаешь просто все свободное время, лишь бы больше ничего дома не делать! Никогда не думала, что чтение книг может быть такой же вредной привычкой, как грызть ногти.

- Ногти, кстати, я тоже грызу, - прошептал я, глядя в сероватый потолок. Словарь лежал у меня на груди, в голове хаотично вертелись турецкие слова. Вот вроде о чем ни вспомнишь — ничего хорошего. И разводу, по идее, только радоваться надо: разбежались вовремя, никто никого не убил — а ведь всякое бывает, когда оба супруга менты Почему же мне тогда так хреново? От одиночества? Да, я с детства не привык быть один, имея под боком сестру-двойняшку. Но почему я тогда не иду к людям? Может, там найдется кто-то поприятнее сегодняшней «спасенной» мной компании. Женек вот на моем месте уже кого-нибудь бы закадрил, включая даже отошталую Анжелу — мой дружок был из тех, кто считал, что любые сердечные раны быстрее всего лечатся прикладыванием к ним какой попало бабы. Но у меня эти мысли

не вызвали ничего, кроме отвращения, будто меня приглашали помыться в грязной луже. Я снова было уставился в словарь, но тут со стороны балкона раздалось тягучее и требовательное «мя-а».

Я встал и приоткрыл балконную дверь. В номер тут же заглянула кошка — серая, пушистая, с глазами-виноградинами и хвостом-метелкой.

- Привет, - сказал я ей и тут же, подумав, что турецкая кошка не понимает по-русски, перевел: - Гуннайдин.

- Мя, - сказал она мне, мимоходом потерлась об ногу и вдруг впрыгнула на кровать, где свернулась уютным клубком. Я почесал ее одним пальцем за ухом, и она тут же заурчала так, будто в ней врубили электромотор. Все это было странно и как-то сюрреалистично, но сил на удивление, озадаченность и еще какие-либо эмоции у меня не осталось. В конце концов я просто улегся обратно на кровать, стараясь не потревожить кошку, которая продолжала урчать, как заведенная, прикрыл глаза локтем от света с балкона и незаметно для себя задремал.

Проснулся я, когда за балконным стеклом разлилась сплошная чернота. Было уже восемь вечера. Слышно было, как громко стрекочут цикады и как бухает назойливая музыка то ли в нашем, то ли в соседнем отеле. Кошка все еще лежала рядом. Заметив, что я проснулся, она тоже с готовностью встала, потянулась, выгибая спину, и зевнула так, что ее маленькая голова, казалось, лопнула пополам и тут же собралась обратно.

- Мя? — спросила кошка и недвусмысленно высунула кончик языка.

- У меня никакой еды нет, - отозвался я со вздохом. — Нету, слышала? А, ты же турчанка Йок, йок. Иди в столовку, а я тоже пойду прошвырнуть.

Я открыл кошке балкон, с которого она послушно канула в темноту, а сам цивилизованно вышел сквозь дверь и отправился на экскурсию по местному полудохлому рынку. Надо все-таки что-то купить из одежды, иначе завтра жара меня достанет до печенок.

На рыночке оказалось не разгуляться: в имеющейся паре палаток одежды на мой рост почти не было, а та, что была, неприятно поражала дикими расцветками и странным дизайном. С третьего захода мне удалось найти пару нормальных белых футболок без цветочков, персонажей из мультиков и надписей I love Turkey во всю грудь, но вот со штанами этот номер не проканал. Джинсы из-за нехватки длины выглядели как бриджи и придавали мне вид городского сумасшедшего, тренировочные штаны почему-то были с начесом, то есть еще более жаркими, чем мои собственные брюки. Оставались шорты, которые я терпеть не мог и никогда не носил, потому что они странно искажали мои пропорции: те, что пошире, делали из ног тощие сопли, а те, что поуже, выглядели так, будто я вылез из кровати и забыл полностью одеться. Но выбирать мне было особо не из чего, и в конце концов я остановился на тех шортах, что были поуже, но не до такой степени, чтобы напоминать исподнее. Правда, они были красного цвета, ну и хрен бы с ними. Здешней публике не привыкать, а мне тем более до лампочки

## Глава 2

Утро следующего дня настроило меня на чуть более оптимистичный лад. Во-первых, на меня снова действовал солнечный свет, льющийся через балкон, а во-вторых, я наконец выпался, поэтому решил все же вылезти из номера. Сияя шортами, я прошелся по территории туда-сюда, чтобы понять, чего тут где, и направился к столовой. Там я немного поковырял завтрак и выпил кофе, чтоб на жару не падало давление. Остальные постояльцы, как я и думал, выглядели еще почище меня, а вчерашняя компания не встретилась (как и ночная кошка).

Ободрившись, я решил все-таки дойти до моря, тем более, что оно плескалось совсем рядом, почти за столовой. Волн почти не было, так что я, быстро пройдя через пляж, покрытый мелкой галькой, сразу плюхнулся в воду. Буйки тут висели в трех миллиметрах от берега — я за них, понятно, заплыл и кролем почесал в морскую даль, поглядывая только, чтобы меня не задавило средствами местного развлечения — катером, «бананом» или водным мотоциклом. Поплывать удалось хорошо, не считая того, что мне прямо по башке проехала какая-то гражданка на сапе, и минут через сорок я приплыл обратно уже не с таким отвращением ко всему и вся.

Наверное, поэтому я даже не дрогнул, когда на берегу встретил всю вчерашнюю компанию — от внука-Потапа до губастой Анжелы (купальные трусы жутко висели на ее бедренных костях). Они, конечно же, замахали мне и принялись наперебой приглашать присоединиться. Я сдался и послушно подтащил к ним лежак. После этого, улегшись рядочком, мы принялись жариться на здешнем бешеном солнце, иногда дружно, как котлеты, переворачиваясь. Разговоров сегодня было поменьше, периодически трындела лишь энергичная Татьяна, шпыняя то одного, то другого. Анжеле она настойчиво советовала, какой крем для загара купить при ее коже, Николаю предлагала съездить вместе на какую-то экскурсию, внука постоянно спрашивала, не холодно ли ему (это на солнце-то!), а мне достался самый неприятный вопрос о том, кто я, собственно, по профессии, если умею так грозно орать. Я хотел было назвать профессию моей подставной личности, Сергея Викторова, но спохватился, что они знают мое настоящее имя. Вдруг им в прессе что-то попадется насчет меня - не стоит создавать лишней путаницы. Да и не в таком я состоянии сейчас, чтобы достоверно изображать менеджера по продажам. В результате я сообщил смягченную полуправду:

- А я частный детектив. В агентстве работаю.

- Да вы что-о-о-о! — поразились Татьяна и посмотрела на меня как на лесное чудо-юдо. — Потапчик, смотри! Дядя — настоящий сыщик!

- Как Эркюль Пуаро? — поправив очки, уточнил Потапчик. — Или как Шерлок Холмс? Или как Арсен Люпен?

Ни фига себе начитанный парнишка, недаром очки такие сильные. Я поощрительно улыбнулся ему, как собрату по книжному дурману, но сказал как можно приземленнее:

- Да ну, какой там Шерлок. Не те времена. Мы за неверными мужьями следим, компроматы на конкурентов фирм собираем, помогаем искать подростков, которые с мамой-папой поссорились и из дому сбежали Ну и все такое.

- Скучно зато, - определил Потап с сочувствием и постучал по краю моего лежака бледным пальцем. — А вы никем другим не хотите поработать?

- Я больше ничего не умею, — отозвался я честно.

- Потапчик, не приставай, - одернула его бабушка. — Ты просто не понимаешь. Дядя очень нужные вещи делает.

- Ого, - закричал Николай, - нужные! Следить за мужьями А чего за ними следить?

- Вы прямо как в анекдоте про кладбище и покойников, - рассмеялся я. - «А чего нас бояться». Так бы сразу и сказали, что изменяли жене и не видели в этом ничего плохого.

- Ну а чего? — не стал возражать Николай, хоть и немного смутился. — Разные, так сказать, обстоятельства бывают не от хорошей жизни-то мужики налево это-самое

- Наоборот! От слишком хорошей! — заявила Татьяна. — Чем больше над вами пляшешь, тем вы больше в лес смотрите!

- Я тоже считаю, что так нельзя, - Анжела заволновалась и вылезла из-под огромной шляпы, которая закрывала ее чуть ли не до пояса. — Человек изменяет, если не уважает свою женщину и себя! Просто сейчас мало настоящих мужчин. Я сама вот недавно рассталась с абьюзером. Хотя я знала, что у нас так все будет, на самом деле

- Откуда? — спросил Потап.

- Ну просто у него асцендент в Скорпионе. Это сразу все понятно. А у вас асцендент где? — вдруг спросила она меня.

- Там же, - ответил я решительно. — И вообще, можете мне поверить: нормальных мужиков среди сыщиков не бывает. Все мы как один абьюзеры.

- А знаете что, дорогие друзья? — зычно прервала нашу сомнительную беседу Татьяна. — Давайте-ка вместе организуемся. Тут буквально в пяти километрах пешком есть замечательный античный город Фазелис. Я почитала — туда можно пройти через соседние бухты и национальный парк абсолютно бесплатно! Давайте-ка все отправимся после обеда? А?

- Ох, ну, я не знаю - запыхтел Николай.

- Коля! Вам это самому первому надо! Вы помните, какое у вас вчера было давление? Вы не будете двигаться, еще хуже станет!

- Жарко

- А завтра еще жарче обещали! Давайте-давайте, не разочаровывайте меня, - Татьяна вдруг подмигнула ему, что выглядело так, как если бы командиру роты на плацу что-то попало в глаз. Видимо, это странное кокетство вывело Николая из равновесия: он схватился обеими руками за пузо и пробормотал:

- Да я чего Почему не сходить. Пойдем.

- И ты с нами, Анжела! Давай, обязательно!

- Да, конечно, мне больше двигаться надо, - согласилась та и вперила в меня маленькие черные глазки: - Вы ведь тоже пойдете?

- Пойдемте, пойдемте! — захлопала мне по ноге Татьяна. — Развеетесь! И нам будет спокойно!

- Вы хотели сказать, что в случае форс-мажора я могу заменить туманную сирену? - спросил я с невольным смехом. — Ладно, пойдемте. Античный город — это любопытно.

\* \* \*

В античный город мы действительно пошли. В основном это была, конечно, заслуга Татьяны: она пасла нас во время обеда и потом отлавливала по одному, когда мы, как хитрые козы, пытались потихоньку разбежаться. «Мы ведь уже договорились — значит, идем!» - заявила она, согнав нас под тенистую мушмулу.

- Танюш, это, - Николай умоляюще прижал руку к широкой груди, - я бы полежал. Все-таки только что покушал

- После обеда нельзя лежать ни в коем случае! — отрубила она.

- Ага, - неожиданно подтвердил Потап. — А то можно, как Обломов, умереть от апopleксического удара.

- Ты читал «Обломова»? — удивился я. Ребенок ответил:

- Фрагментарно. Начало почитал, а потом сразу конец.

- Зачем?

- Чтобы заранее подготовиться, если все плохо закончится, - сказал Потап серьезно. Анжела прыснула, глазами призывая меня присоединиться к веселью, но мне смеяться не хотелось. По мимике и тону ребенка чувствовалось что-то нехорошее, не относящееся к книге. Возможно, какие-то проблемы в семье: недаром Татьяна не упоминает его родителей. Вот и сейчас она никак не прокомментировала наш разговор, а просто перевела тему:

- Ну давайте, берем водичку, головные уборы, купальники и встречаемся здесь через пять минут! Мы с Потапчиком всех ждем! Не подведите!

В результате, когда пробило полпервого дня, мы очутились на пыльной, застывшей в жарком мареве дороге. Я сиял шортами, кажется, даже разбрасывая лучи, Анжела скрывалась под шляпой, напоминая гриб-зонтик, Николай заранее отдувался, пил воду и оттягивал на груди майку-«алкоголичку», Потап с бледным видом поправлял крошечную кепочку и лямки маленького рюкзака. Татьяна, возглавляя наш караван, бодро маршировала впереди, мелькая крепкими загорелыми ногами и шершавыми локтями.

- Нам нужно налево, а потом пройдем немного вдоль шоссе, - громко командовала она.

- Это ж на подъем, - пыхтел Николай. — В самую жару!

- Ничего, там почти сразу спуск к Райской бухте. А от нее подъем уже будет под деревьями Колин, - вдруг обратилась она ко мне, - что же вы никакую кепочку с собой не взяли?

- Да у меня нету, - ответил я правдиво. — В вещах осталась, а вещи канули в аэропорту. Не беспокойтесь, я жару хорошо переношу и даже почти не загораю: сами видите, какой я чернявый.

- Нет-нет, так нельзя. Потапчик, дай дяде головной убор!

Дитя послушно порылось в рюкзаке, вытащило оттуда некую тряпку и сунуло мне со словами:

- Вот. Держите. Это запасная бабушкина кепка.

Это была даже не совсем кепка, а что-то вроде банданы с козырьком, причем еще и нежно-лавандового цвета. Впрочем, после шорт я уже ничего не боялся, поэтому просто молча надел это недоразумение и зашагал дальше.

Татьяна была права: вдоль местной трассы, по которой свистели машины и автобусы, мы прошли совсем немного и почти сразу свернули вниз, на небольшую дорогу, ведущую к бухте. Было жарко и безветренно, кругом стрекотало и пахло разогретой сосновой хвоей. Идти стало действительно полегче, а потом дорога и вовсе потеряла асфальт и превратилась по совместительству в маленькую речку: прозрачная зеленоватая вода текла прямо под нашими ногами, как и мы, стремясь к морю. Потап принялся с радостным повизгиванием бегать по воде, поднимая брызги. Анжела тоже оживилась и попросила меня сфотографировать ее посреди дорожки ручья. Я послушно взял ее айфон, а она поправила короткий голубой сарафанчик с пышной юбкой, профессионально выпятила губы и даже попыталась принять отключенную позу, в которой обычно фоткаются такие девки, но, увы, ей нечего было отключивать Бедняга, как она вынесет-то этот переход? Судя по тому, что я прочитал в интернете, он не такой уж безобидный и легкий.

Минут через десять, впав в море вместе с речкой, мы вышли к Райской бухте. Это была вовсе не райская, а обычная на вид скучноватая заводь в форме подковы, окруженная невысокими горами, поросшими соснами. Под этими же соснами на берегу сидели компании местных жителей и, разложив столики, что-то ели. Нам же купаться, перекусывать и иметь другие радости жизни запретила Татьяна, на стенания Николая разумно заметив, что так мы никогда не дойдем до Фазелиса. Путь наш лежал на ту гору, что составляла правую часть подковы: по ней среди валунов и корявых сосенок проходила тропка.

Мы полезли вверх; солнце, казалось, упиралось огненными ладонями в спину, заставляя невольно идти быстрее, из тени в тень. Тропа была, как я и думал, неудобной, усеянной валунами, а кое-где — откровенно опасной, потому что проходила по самому краю обрыва.

Внизу плескалось прозрачно-бирюзовое море, не скрывая огромных подводных камней. Свалишься — в лучшем случае ноги сломаешь. Так что я немного напрягся и принялся внимательнее следить за своими спутниками, иногда подавая тому или другому руку, чтобы он переполз опасные места.

- Спасибо, мне не надо! — ловко скакала по камням Татьяна, таща за собой Потапа. — Вон, Анжелочке помогите.

Анжела тяжело дышала, не в силах перелезть очередной валун. Лицо ее под шляпой не покраснело, а побледнело, что мне не понравилось.

- Выпейте воды! — сказал я ей громко и отдельно, рывком сдергивая с валуна. — И съешьте чего-нибудь, а то в обморок шмякнетесь.

- У меня есть! — хозяйственный Потап опять зарылся в свой рюкзачок и извлек оттуда печенку с завтрака, которую Анжела принялась послушно жевать — сейчас ей, видимо, было не до похудения.

К счастью, как раз в это время подъем закончился. Мы перешли самую высокую точку и спустились по другой стороне горы, где нас ждала очередная бухточка, маленькая и почти закрытая от моря кольцом ноздреватых вулканических камней. Один булыжник размером с два кулака болтался на волнах, громко стуча о берег.

- Ого! — изумился Потап. — Камень плавает!

- Пемза, - объяснил я. — Знаешь, что это такое?

- Конечно! Это чтобы пятки тереть, у нас в ванной есть.

- И пятки тоже, но вообще-то это камень, образовавшийся из чего-то вроде вспененной лавы. В нем много пустот, поэтому он и плавает.

- Я запомню, спасибо, - ребенок поправил очки и тут же закричал: - Бабушка! Давай с собой пемзу возьмем! Я понесу!

- Да ты что, Потапчик, она же больше твоего рюкзака. Так поиграй пока Ребята, давайте сделаем привал! — Татьяна хлопнула в ладоши. — Вон там, под уступчик, можно сесть и водички попить! И искупаться, только быстренько. Много не ешьте, а то станет плохо.

- А далеко еще? — пропыхтел Коля, плеснув себе на голову горсть морской воды.

- Да нет. Нужно просто пройти еще вот эту гору, которую справа, вдоль воды или по лесной тропе, и там уже будет Северная бухта Фазелиса.

- А-а, ну это ничего. Пойду-ка я искупнусь.

- И я с тобой, Коля, - скомандовала сама себе Татьяна и побежала к морю. Мы остались под уступом вроде козырька, который нависал над водой. Потап возился с огромным куском пемзы, Анжела очухивалась, а я вспоминал карту и думал, что Татьяна сильно преуменьшает сложность остатка пути. Мы прошли всего, наверное, треть или даже четверть, причем самую простую

Ясен пень, вышло все так, как я и опасался: вторая гора, на которую мы полезли, оказалась еще менее удобной. Здесь тропка периодически совсем пропадала, и нужно было скакать по ноздреватой вулканической поверхности, поросшей колючками и покрытой непредсказуемым дырами, в которых так удобно ломать себе ноги. Я напрягся еще сильнее, но при всем желании не мог глядеть сразу во все стороны — а мои спутники, как тараканы, расползлись по жаркому краю полуострова, ища проходимые места.

- Ничего, ничего! — сказала Татьяна, когда Анжела в очередной раз с жалобным визгом напоролась на куст, а Николай чуть на слетел в замаскированную листьями трещину — я вовремя поймал его за руку. — Ничего! Я читала отчеты: люди говорят, что, если идти через лес, можно заблудиться, поэтому лучше держаться вдоль воды!

«Вдоль воды», как я прекрасно видел с высоты своего роста, простиралась еще пара километров таких же или даже худших неудобий: застывшая в древности лава окружала полуостров жесткой корявой оборкой желтого цвета, которая художественно оттеняла глубокую голубизну

моря. Тропа перестала просматриваться вовсе, деревья отступили далеко вправо, а жарища была такая, что даже я начал немного потеть...

Потап рядом со мной резко взвизгнул, провалившись по колено в каменную «ноздрю». Я ухватил его под мышки и, дернув вверх, уже с раздражением гаркнул на всю Ивановскую:

- Так, граждане! Стоп. Тут нельзя идти. Еще немного, и кто-нибудь что-нибудь сломает.

- Ой, Колин, ну что вы паникуете! — отмахнулась Татьяна, глядя на меня сверху вниз с очередного вулканического булыжника. — Тут все ходили, и мы прекрасно дойдем!

- Вы можете идти куда угодно и угробить себя как вам нравится — вы взрослые люди, а я здесь не пойду и ребенка с вами не пушу. Не хватало ему к семейным сложностям еще и ногу сломать.

Она нетерпеливо закатила глаза:

- Ну почему мужчины такие паникеры! Спокойнее надо быть.

- Вот-вот, - вдруг поддакнул Николай. — Чего вы сразу это в бутылку-то лезете.

- Это вы из бутылки не вылезаете, поэтому вас сегодня качает так, что еле успеваю ловить, - сообщил я, резко развернувшись к нему. — А вашего внука, Татьяна, я раз десять извлек из разных дыр и щелей! Пока вы повернулись к нему жопой и чешете себе!

Последние слова я проорал на всю Турцию, почти как вчера на рецепции, потому что ничего не бесило меня так сильно, как тупое игнорирование опасности. Сейчас эти кретины размажут себя по всему полуострову, а мне их потом собирай!

Компания испуганно притихла — видимо, очень уж бешеный у меня был вид. Наконец Анжела аккуратно постучала мне по предплечью холодными от недоедания пальчиками:

- Я тоже думаю, что на самом деле надо было идти через лес. Там, я прочитала, проходит латвийская тропа

- Ликийская, - поправил я машинально. — Это народ такой был, ликийцы, очень древний. Век десятый до нашей эры, а то и раньше.

- Тринадцатый, - сказал Потап, ладошка которого все еще была в моей руке. — Я вчера в энциклопедии прочитал.

- Ладно, ну чего, - к нам вперевалячку подошел Николай. — Поспорили — и хватит. Пойдем через лес. Да, Татьяна?

Та ничего не ответила — ее ухоженное моложавое лицо сохраняло оскорбленно-возмущенное выражение — но и не возразила. Я тоже не имел пока желания с ней расшаркиваться, поэтому молча развернулся и пошел в обратную сторону — помнил, что метров через пятьсот должна встретиться тропка, которая вела в лес, покрывавший полуостров.



## Глава 3

Тропку мы нашли без труда: рядом с ней висела табличка с неведомой красной надписью по-турецки, а дальше на камнях и деревьях виднелись полустершиеся красные стрелочки, будто в игре «казаки-разбойники». Разбрестись было особо некуда из-за колючих кустов, которые таились тут и там среди сосен, но появилась другая проблема: кого выпустить первым. Нужен был кто-то самый глазастый, кто лучше видит стрелочки, потому что тропка то и дело пропадала или раздваивалась.

- Они нормальные вообще были, эти ликийцы? — пожаловалась Анжела. — Опять перекресток!

- Нам налево, я вижу стрелку, - вмешалась Татьяна, обходя меня взглядом. Я-то уже сто раз успел отойти и, как всегда после своих взрывов, чувствовал себя не очень удобно. Можно ведь было сказать то же самое, но хоть на пару тонов ниже и без слова «жопа»! И чего это меня так сорвало? Накопилось, что ли: много лет работы без отпуска, потом еще и развод... Они ведь гражданские — они не умеют просчитывать последствия и организовывать группы.

- Идите первой, - сказал я Татьяне, замедляя шаг. — Вы лучше стрелки видите.

- Ну спасибо. Я уж думала, это вы у нас во всем лучше всех.

- Я лучше вижу опасность, это профессиональное.

- А вы когда-нибудь ловили настоящего преступника? — поднял на меня очки Потап. — Или только мужей?

- Ну, бывало пару раз - отозвался я мутно, стараясь не вдаваться в подробности, и ускорил шаг.

Идти по лесу после побережья было легко: не считая того, что пришлось пару раз спуститься в овраг и обойти какой-то огромный забор, отделявший от нас, судя по гулу за ним, от шоссе, продвигались мы весьма бодро. А потом начали попадаться и первые развалины.

- Бабушка! Смотри! Замок! — Потап с восторгом подбежал к огрызку каменной стены с маленьким окошком. — Давай сфотографируемся!

- Да-да, Потапчик, давай Коля, сними-ка нас.

Вспотевший Николай послушно опустился на одно колено и защелкал. Анжела, как всегда, привлекла для фотографирования меня. Она всучила мне айфон и, пыхтя, взобралась на каменный навал:

- Снимите меня вот здесь, хорошо? Смотрите, тут как будто квадратная пещерка. Или как пенал из камня, да? Я сейчас в нее залезу, а вы снимайте...

- Вам правда нужно сняться именно здесь? — уточнил я.

- Ну да, а что?

- Ничего, просто вы собираетесь залезть в саркофаг. Мы в некрополе.

- Некро что? — Анжела выпятила на меня губы.

- Некрополь, от слов «некрос» и «полис», город мертвых. Кладбище, короче говоря.

Анжела с визгом соскочила с саркофага и помчалась, раздувая сарафан, под сосны. А Потап, услышав мои слова, в это же время с радостным криком «Где кладбище?!», наоборот, побежал ко мне. Я невольно рассмеялся.

Некрополь Фазелиса впечатлил даже меня. Обширное кладбище рассыпалось по всей горе — не только по вершине, но и по склону: сейчас мы шли вдоль моря, и, если заглянуть вниз, был виден обрывистый берег, усеянный, как сотами, дырками разрушенных волнами и ветром захоронений. Гробы, то бишь саркофаги, весьма аккуратно сделанные из серых каменных плит, торчали тут и там. Некоторые были накрыты крышками в форме дна перевернутой лодки. То ли сейсмические процессы, то ли грабители навели в некрополе беспорядок: лишь

малая часть саркофагов спокойно лежала в дырах в земле. Большинство же стояло как попало, то на боку, то чуть ли не вертикально, то нагромодившись друг на друга. Анжела первое время страшно взвизгивала и хватала меня за локоть — она боялась увидеть «скелет». Я ее успокоил со знанием дела, что за двадцать с лишним веков самый стойкий скелет успеет рассыпаться в прах. Анжела вроде успокоилась, а вот Потап оживился еще больше: ему захотелось найти хоть щепотку упомянутого мною праха, поэтому он принялся лазить в каждую усыпальницу и собирать там пыль. Я лазил с ним — и для безопасности, и для собственного интереса. Мы нашли несколько надписей на древнегреческом, фантик от конфеты и монетку в два евро, которую пыльный Потап в покосившихся очках гордо потащил бабушке.

- Оставь себе, Потапчик, - вздохнула Татьяна. Она сидела на остатках каменной стены и, сняв босоножки, разминала усталые ноги (Коля пил воду неподалеку). — Лазай аккуратно, без Колина один не ходи. И что это вас обоих так в этот некрополь тянет?

- Как говорил Пушкин, - сказал я, потягиваясь, - «два чувства чудно близки нам: любовь к родному пепелищу и к древнегреческим гробам».

- У Пушкина не так! — рассмеялся Потап.

- Ты и его читал?

- Ну, не всего, но по большей части, - важно ответило ученое дитя.

Спуститься с холма, где расположился некрополь, в Северную бухту Фазелиса оказалось не так-то просто: склон был покрыт сухими комочками земли и слоем сосновых игл, и на этой осыпи ноги скользили, как по льду. Забыв все распри, раскорячившись, кряхтя и пыхтя, мы принялись дружно преодолевать это последнее препятствие. Мне приходилось не лучше, а даже хуже всех из-за высокого роста и соответственно немалого веса: труднее было сохранять равновесие, а камни подо мной сыпались резвее, чем под легоньким Потапом и даже чем под тяжелым, но приземистым Николаем. Пару раз мне пришлось проехать по склону боком на подошвах ботинок, будто сноубордисту — я чудом не врезался в камень и с трудом затормозил, вцепившись в сосну, под громкий визг Анжелы. После этого я засунул в карман гордость и принялся сползать со склона сидя на заднице. Остальные, кроме спортивной Татьяны и невесомого Потапа, последовали моему примеру, и вскоре мы все благополучно встретились в самом низу, встрепанные и пыльные. За соснами голубыми всполохами сверкало море, у которого возвышались очередные развалины: то ли сторожевая башня, то ли часть некрополя.

- Ну вот и добрались, - сказала Татьяна деловито и вынула из волос внука огромный пучок длиннющих сосновых игл. — Как я и говорила, ничего такого.

Ее слова прервал наш дружный, немного истерический хохот.

- Ничего такого! — икал Николай, упираясь себе в колени. — Ничего такого!

- Совсем ничего! — тоненько смеялась Анжела.

- Ага! — подхватывал я. — Всего два с половиной часа потратили, и даже никто не умер!

Не о чем говорить.

- Ну, ладно, - Татьяна махнула на нас рукой и, наконец, тоже рассмеялась. — Ну а что? Препятствия укрепляют командный дух, - продолжила она своим обычным тоном. — Смотрите: если бы мы вместе не пошли, разве бы мы так друг друга узнали? Нет, я считаю, что все к лучшему!

- Согласен, - сказал я и посмотрел в ее выцветшие голубые глаза. — Извините, конечно, что я на вас наорал. У меня нервы не очень в последнее время.

- Я сразу заметила, - снисходительно улыбнулась она.

Нашу общую победу над «легким» путем прибытия в Фазелис мы отметили в уличной кафешке, дорожкой и единственной на весь музейный комплекс. Потапу купили мороженое, а мы обошлись напитками — есть не особо хотелось. Я машинально отпивал из картонного стаканчика противноватый черный кофе без сахара (давление так и норовило от жары упасть в ноль вместе со мной) и разглядывал чашки и миски, расписанные выжженными голубыми

и красными глазками. Турецкая фишка — вроде как защищает от сглаза. Но от этой глядящей на тебя посуды становилось тревожно, будто что-то еще должно было случиться. Надеюсь, основная территория парка безопаснее, чем путь в него.

Рядом со мной тихо причалила Анжела, которая пила, конечно, пустую водичку.

- Интересно, да? — постучала она длиннющим синим ногтем по глазастой мисочке и, не успев я ответить, сменила тему: - А ты обычно как отдыхаешь? Ничего, что я на ты? Вроде давно знакомы уже.

- Да ничего. В смысле как я обычно отдыхаю? Ты же видишь: с вами брожу по руинам.

- Нет, я в смысле как ты расслабляешься?

- Сплю? — полувопросительно ответил я, не понимая, чего ей надо. Анжела захихикала, прижав губищи пальчиками:

- Ой, ну ты что! Ну, расслабляешься! Клубы, там, может? Или сауны?

- Диваны, - сказал я. — Кровати. Кресла. Я люблю сидеть и лежать. А в клубы когда-то ходил, но очень давно, по молодости.

- Да ладно! По какой молодости, ты чего прикалываешься? — она подтолкнула меня локтем.

- По обычной, лет двадцать назад. То есть тебе не видно, что ли, что мне под сорок?

- Пра-авда?! Ой, я подумала, что гораздо меньше, - она снова захихикала.

- Анжелочка, - сказал я с подозрением. — Ты чего, где-то поддать успела? Что с тобой?

Она посмотрела на меня, как на идиота, сжала губищи и быстро ускочила куда-то в сторону. Я некоторое время стоял в недоумении, пока до меня не дошло, что со мной только что заигрывали. Господи, насколько же нормальнее она говорит, когда не пытается играть роль соблазнительницы! Этот «взрослый» флирт меня буквально вымотал: я даже присел на ближайший камень и встал с него только тогда, когда громогласная Татьяна позвала всех купаться в большую южную бухту.

Водички в той бухте было по пуп, и то лишь Потапу. Мне, чтобы зайти в воду хотя бы по пояс, потребовалось пройти чуть ли не километр от берега. Солнце понемногу садилось, и бухта, окруженная высокими, поросшими лесом горами, выглядела сонной пасторальной картинкой. Вода слабенько рябила, на дне виднелись ровные песчаные складочки, тихонько перекликались купальщики, где-то у берега возилась моя компания, и Анжела, слава создателю, больше ко мне не приставала. Что ж, надо, наконец, осмотреть экспозицию — и ехать домой, пока совсем не стемнело.

После купания нас потянуло в сон вместе с природой, так что мы бродили под закатным светом нога за ногу и по большей части молча. Территория основного музейного комплекса, к счастью, была небольшой и включала в себя кусок римского акведука (развалины здоровенных арок), скромного размера амфитеатр с маленькой сценой и рядами покрытых мхом каменных ступеней и часть главной улицы, по сторонам от которой высились развалины храмов и римских бань.

В конце концов мы разделились на группки по интересам: Татьяна ходила везде с покорным отдувающимся Николаем, фотографируясь у каждого столба, будто для отчетности, Анжела по большей части сидела на лавочке и записывала кому-то голосовые сообщения, а мы с Потапом лазали где только можно и где нельзя. Кроме того, проползая мимо по древним булыжникам или пробегая на четвереньках, неутомимое дитя постоянно атаковало меня невыносимыми вопросами, будто в каком-то шоу на эрудицию.

- Дядя Колин, - спросил он в очередной раз, когда мы ходили между разрушенными стенами одной из бань, - почему эти бани — римские, а надписи везде греческие? Я что-то запутался.

- Да потому что тут жили сначала греки, а потом римляне. Ведь у города тоже была история, он не строился и не разваливался весь сразу и одновременно. Знаешь, в чем прикол?

— я, взяв под мышки, посадил легонького Потапа на высокий каменный порог, чтобы он перебрался в соседнюю «комнату». — Для римлян, которые сюда пришли, некоторые здания были почти такими же древними, как и для нас.

- Как это?!

- Ну так. Вон там, на другой стороне улицы, видишь какие-то огрызки? Это развалины греческого храма Афины. Им уже во времена, когда римляне пришли сюда, было около тысячи лет. Наверное, храм и в то время был уже в руинах — такая, значит, заброшка. Может, там римская молодежь гуляла и писала что-то вроде «здесь был Аврелий», а может, какие-то влюбленные парочки по углам жались

Потап приснул, в очередной раз забрызгав себе все очки:

- Жались! Дядя Колин, а

- Да зови ты меня просто по имени и можешь на ты, какой я тебе дядя.

Мальчишка застыл и обернулся на меня через бледное плечо. И, несмотря на сильно бликующие очки, мне снова увиделось в его взгляде очень недетское выражение, хотя в данный момент это была не печаль, а что-то вроде недоверчивого восторга. Ну, оно понятно: я бы тоже в его возрасте порадовался, если бы со мной хоть один взрослый заговорил не как с идиотом.

- А вы А ты - сказал он, заикаясь и явно не зная, как расплатиться со мной за такую щедрость. — А ты меня зови знаешь как Тапок!

- Господи боже, зачем?

- А меня мама так звала, - юмористически. Сокращение от слова Потап. Будешь звать?

- У меня язык не поворачивается, - признался я. — Это все равно как если бы меня кто-то назвал Колом. Ладно, может, попробую.

Этим Потап (Тапок! Ну и юмор у его мамани!) удовлетворился. Мы еще немного полезли среди круглых столбиков, сложенных из камня — бывших опор, на которых раньше лежал пол римских бань, повходили с разных сторон в пару сохранившихся дверей и, всемерно довольные, переместились в тот самый Храм Афины, который был развалиной в квадрате: и для нас, и для древних римлян.

В храме все реально хорошо успело развалиться: кроме начала стен и нижней части дверного проема, а также огрызков колонн, смотреть было особо не на что. Потап, однако, явно поставил себе задачу проникнуться стариной сооружения и старательно обходил периметр, бормоча: «Даже для римлян это были развалины». Я же, зевая, присел на обломок какой-то почтенной колонны и, уперев локти в колени, а ладонями подперев подбородок, прикрыл глаза.

- Колин! — вывел меня из оцепенения неожиданный шепот Потапа. — А тут могут быть сокровища? Я в энциклопедии читал, что кто-то монеты находит

- Точно не мы. Тут все за тысячелетия вдоль и поперек разграблено.

- А вдруг что-то осталось? Ты ведь сыщик! Ты можешь что-нибудь найти?

- Что именно?

Потап снял кепочку и почесал обеими руками голову с тонкими белесыми волосами, явно изумляясь моей туповатости.

- Ну, что-нибудь тайное, что люди могли спрятать, - сказал он наконец. — Карту! Или зашифрованное послание! Ты же про Шерлока Холмса читал?

- Да, но для нас любое здешнее послание и без того достаточно зашифрованное. Я древнегреческого, например, не знаю. И все, что тут спрятали, уже сто раз успело стереться или превратиться в прах. Если только эту твою карту выбили на самом камне.

- Да! Так они и сделали! — обрадовался Потап. — Знаешь что — давай искать надписи! Только не эти, большие, - он показал на колонну с греческим текстом позади себя, - а тайные! Где могут быть тайные надписи, Колин?! — пристал он ко мне как банный лист, блестя очками, будто тоже где-то изучил техники допроса.

- Слушай Тапочек, отвяжись, - сказал я, отодвигаясь. — Понятия не имею, где помершие века назад хмыри выбивали тайные надписи. Я слишком плохо знаю тогдашнюю жизнь, а без фактов это будет гадание на кофейной гуще.

- Я где-то читал, - Потап снова настойчиво придвинулся и даже для верности наступил мне на ногу, - что люди всегда были одинаковые. Значит, они могли делать тайные надписи так же, как мы. Где сейчас преступники делают тайные надписи?!

Представив, как какой-нибудь карманник, пыхтя и потея, выбивает долотом на стене дома «Здесь покоится краденый телефон», я фыркнул со смеху и еле выговорил:

- Сейчас — нигде. Но по общей логике, если надо написать что-то тайное, лучше это сделать где-нибудь поближе к земле, куда обычно не смотрят, и шрифтиком помельче, а то и шифром, да и прикрыть какой-нибудь кирпичиной или землей присыпать.

- Давай смотреть у земли! — завопил вдруг Потап и, рухнув на сухую почву, пополз по ней, как раненый солдат, тыкаясь очками в пористый серый камень фундамента. Я оглянулся, не бежит ли к нам Татьяна узнать, почему ее обычно тихий внук орет как резаный, но та была слишком занята воркованием с Николаем (ну и вкус у нее, конечно) Ладно, чего бы не подыгрывать ребенку, да и сам развлекусь. Если подходить технически, мне нужно осмотреть самый низ стены, а еще лучше — хоть немного подкопать, потому что фиг знает, насколько он там в землю утоп и насколько его отрыли. Еще обязательно надо глянуть все, что похоже на отвалившиеся куски древней облицовки — это в навале, который разбросан в сухой траве рядом со стеной. И ниши все проглядеть

Разметив себе таким образом план действий, я поделился им с Потапом, чтобы тот не мельтешил, а помогал, раз уж затеял такое дело, и мы принялись ползать на четвереньках и тыкаться носом в стену уже вдвоем, только я еще периодически начинал рыться обеими руками, как собака. Орудовал я, конечно, камешками, иначе здешнюю твердую почву нельзя было разгрести, но пальцы все равно мгновенно стерлись до мозолей. Потап, со своими руками-макаронами, не мог прорыть борозду глубже миллиметра, а пальцы стер ровно так же, поэтому, чтобы нас не прибила потом Татьяна, я решил это прекратить и предложил перейти к навалу камней.

- Будем искать что-нибудь похожее на куски облицовки, - заявил я, устраиваясь на жесткой пыльной травке. Потап бухнулся рядом и тут же вскочил — под ним оказалась очередная здешняя колючка. Больше садиться он не стал, а побежал осматривать камни, конечно же, выкликая меня на каждую ерунду.

- Нет, - отвечал я, бросая косые взгляды в его сторону. — Это не то. Это тоже. Это тем более не пойдет. Осторожно!

Но было поздно: Потап с неожиданной для его дохлости силой дернул на себя целую стопку плоских белых плиток высотой ему по пояс, которая мирно простояла тут, наверное, последнюю тысячу лет. Стопка раскрылась с гроким треском, как книга. Я в последний момент, упав плашмя и вытянув руку, успел поймать половину этой каменной «книжки» в миллиметре от Потаповой ноги. Каменюга была дико тяжелой.

- Блин, сказал же, осторожно! Без пальцев хочешь остаться?

- Я неча-аянно-о - загундосил Потап совсем как обычный восьмилетка, растеряв всю свою вундеркиндность. Но я его уже не слушал, потому что закатное солнце, послав в храм Афины косой луч, осветило трещинки в той плитке, которую я поймал. И эти трещинки сложились в криво написанные, неглубоко процарапанные на камне слова:

HIC INTER SAXA QUAE HEROVM MEMORIAM SERVANT  
TIBI IVRO ROSA MEA  
HOSTIS AD PORTAS EST  
QVOD TIBI DESTINAVI ABSCONDERE COGOR

QVAERE ME ILLIC  
VBI AETERNA QVIES VNDIS MARITIMA OCCVRRIT  
LEO MONSTRABIT QVID FACIAS  
TVVS IN AETERNVM MARCUS

- Колин! — прошептал Потап, приседая на корточки. — Тут надпись!

- Вижу.

- Мы надпись нашли!! Надпись! — он никак не мог успокоиться и даже начал икать. - Это какой? Это какой? Это греческий, да?

- Нет, похоже, что латынь, - сказал я с удивлением. - Древний римлянин писал Ну или какой-нибудь шутник.

- А ты латынь знаешь?!

- Пару крылатых фраз только, типа «Пер аспера ад астра». Но корни-то должны быть знакомыми Да в конце концов, я могу просто погуглить.

- Давай погуглим!

- погоди ты. Во-первых, уберу наконец из-под камня свою ногу. Во-вторых, тут буквы плохо видно, да еще и солнце заходит. Давай сфоткаем эту плиту с разных ракурсов и будем спокойно расшифровывать уже дома.

- А если ее другие увидят?!

- Замаскируем, - успокоил я его. — До нас тыщу лет лежала — и еще полежит.

В следующие пятнадцать минут мраморную плитку ждала фотосессия из фотосессий: мы сфоткали ее на два телефона под всевозможными углами, со вспышками и без, пока я не убедился, что ничего не упущено. После этого я, поднатужившись, просто поднял плиту и прислонил к общей стопке, художественно присыпав песочком:

- Вот так. А то вдруг местная администрация проверяет, не сдвинул ли кто чего. Пусть стоит как было, вряд ли в ближайший век найдется второй такой уникум, как ты, кто будет это дергать.

- Не знаю - сомневался Потап. — Может, лучше закопать

- Потапчи-ик! Коли-ин! Где вы! — прилетел к нам из-за руин властный зов Татьяны. — Давайте собираться в обратную дорогу, а то опоздаем на последний автобус! Сумерки уже!

- Бабушка-а! — взвыл внук счастливым голосом, вскакивая и пулей устремляясь к ней. — Мы нашли надпись! Смотри! Смотри! Это латынь!

Подошедшая Татьяна снисходительно кивнула, не глядя на экран:

- Ой, ну молодцы, молодцы Не надоед он вам, Колин?

- Ничуть.

- А что за надпись-то? — вдруг проявил интерес Николай. — Это которая на столбиках этих?

- Нет, какая-то неофициальная. Может, турист пошутил, не знаю. Но вроде бы это латынь: попробую дома расшифровать.

Вот тут снимками с моего телефона заинтересовалась вся компания, даже Ангела подбежала, прекратив дуться. Все они принялись, сопя, разглядывать экран, оттеснив мелкого Потапа.

- Ребята, это же очень интересно! — наконец вынесла вердикт Татьяна. — Может быть, здесь действительно что-нибудь кроется

- Клад! — выскочил Потап.

- А кто знает-то? — сказал Коля. — А может быть. Может же нам повезти? Разбогатеем, - он неожиданно высоким голосом хихикнул. — В общем, это дело надо обдумать.

- Так мы и сделаем, - согласилась Татьяна. — Соберемся где-нибудь после ужина и все вместе будем расшифровывать Кто-нибудь знает латынь?

- Я немножко, - неожиданно пробормотала Анжела. — Я в медучилище училась, у нас на первом курсе было. Но тут что-то непонятное.

- Разберемся, интернет нам в помощь, - успокоил я всех скопом. — Идемте на автобус, чего без толку тут стоять.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.